

ГОЛДЕР (GOLDER) против СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА

Судебное решение от 21 февраля 1975 г.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА

Сидни Элмер Гоулдер был приговорен за разбойное нападение к 15 годам тюремного заключения. В 1969 г. он отбывал наказание в Паркхэрсте на острове Уайт. Вечером 24.10.69 г. там произошли серьезные беспорядки. На следующий день функционер тюремной службы по фамилии Лэрд, раненый в ходе операции по восстановлению порядка, сделал заявление, в котором указал нападавших и отметил, что, как ему кажется, в их числе был также Гоулдер. Группу подозреваемых в участии в беспорядках отделили от других заключенных и поместили в отдельном павильоне. Начались допросы. В ходе второго из них Гоулдеру сообщили, что он обвиняется в нападении на функционера, и предупредили его о возможности возбуждения уголовного дела.

Гоулдер написал письмо о беспорядках депутату парламента и начальнику полиции, описывая неприятности, которые с ним произошли в результате клеветнического обвинения в участии в беспорядках. Начальник тюрьмы задержал эти письма, обосновав это тем, что Гоулдер не пробовал воспользоваться путем, указанным в правилах внутреннего распорядка. В это время Лэрд уточнил то, что он сообщил в первом заявлении. Он констатировал, что он не уверен, но ему кажется, что Гоулдер был участником нападения. Однако другой функционер показал, что Гоулдер не принимал участия в беспорядках, сидя все время в телевизионной комнате. После того, как был собран весь материал, был подготовлен список обвинений, которые должны были быть предъявлены отдельным заключенным, в том числе также Гоулдеру, и которые касались нарушения, в разных формах, тюремной дисциплины. Замечание об этом было внесено в дело. До обвинения Гоулдера не дошло. Это также было отмечено в деле. Во время рассмотрения дела перед Европейской комиссией по правам человека, записи, касающиеся событий 24 октября, были вообще исключены из дела. В марте 1970 г. Гоулдер подал жалобу министру внутренних дел, требуя своего перевода в другую тюрьму. Он утверждал, что, по его мнению, заявление Лэрда, содержащее ложное обвинение в его участии в беспорядках, по-прежнему хранится в актах, что делает невозможным его ходатайство об условном освобождении. Он потребовал также, чтобы ему была дана возможность консультации с адвокатом в связи с намерением возбудить против Лэрда гражданский иск о диффамации, а также для исследования тюремных актов лицом, гарантирующим независимость и беспристрастие. В этом ему было отказано.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

Г-н Голдер утверждал, что отказ разрешить ему проконсультироваться у адвоката является нарушением статьи 6 п.1, гарантирующей право доступа к правосудию для определения гражданских прав и обязанностей.

В данном случае Суд призван принять решение по двум вопросам, возникающим из смысла статьи 6 п.1;

- 1) Ограничивается ли статья 6 п.1 по существу гарантией права на справедливое судебное разбирательство, когда процесс уже ведется, или она признает также право доступа к правосудию каждого, кто хочет обратиться в суд в случае спора о его правах и обязанностях гражданско-правового характера?

- 2) Существует ли в последнем случае какие-либо подразумеваемые ограничения на право доступа либо на осуществление этого права, которые подлежали бы применению в настоящем случае?

Суд напомнил, что Гоулдер обратился к министру внутренних дел с просьбой разрешить ему проконсультироваться с адвокатом перед возможным предъявлением иска о диффамации к функционеру тюремной службы, в чем ему было отказано.

Из-за отказа Гоулдер не мог встретиться с адвокатом. Проблема не ограничивается, однако, одной только корреспонденцией. Здесь затрагивается вопрос доступа к суду.

Разумеется, никто не был в состоянии сказать, были ли бы далее у Голдера намерения предъявить иск. Остается, однако, фактом, что он намеревался предъявить иск о диффамации. Именно поэтому он хотел проконсультироваться с адвокатом, рассматривая это как нормальное подготовительное действие, особенно важное ввиду ситуации лишения свободы.

Запретив Гоулдеру проконсультироваться с адвокатом, министр фактически лишил его возможности предъявить иск, хотя формально он не вынес решения об отказе ему в праве возбуждения судопроизводства. Создание фактического препятствия нарушает Конвенцию в такой же степени, как и правовой запрет.

Ст. 6 п. 1 Конвенции не содержит ясной констатации существования права на доступ к суду. Она говорит, однако, о разных правах, вытекающих из той же самой идеи и совокупно образующих право на справедливое судебное разбирательство.

Толкование содержания этой статьи дает основания для признания, что в ней содержится также и право на доступ к суду.

Власти Великобритании настаивали на том, что такие выражения как: „справедливое и публичное разбирательство дела” и „в разумный срок”, а также „судебное решение” и „процесс”, равно как и содержание п. 3 статьи 6, ясно показывают, что речь идет только об уже ведущемся производстве, а не о праве на его возбуждение.

Суд по правам человека установил, что, хотя право на справедливое судебное разбирательство относится к уже ведущимся делам, из этого необязательно должно следовать, что по этой причине исключается право на возбуждение дела.

Представители Великобритании выдвигали аргумент, что следует рассмотреть взаимоотношение между ст. 6 п. 1, ст. 5 п. 4 и ст. 13. По их мнению, если признать, что ст. 6 п. 1 содержит также право на доступ к суду, то два остальных из вышеуказанных положений были бы в Конвенции не нужны.

Толкование заявителя и Комиссии, против которого выступили власти Великобритании, не ведет к смешению объемов применения ст. 6 п. 1, ст. 5 п. 4 и ст. 13, и не ведет к выводу, что два последних положения излишни. Ст. 13 говорит об эффективных средствах правовой защиты в компетентном государственном органе, которым не всегда должен быть „суд” в понимании ст. 6 п. 1 либо ст. 5 п. 4. Она гарантирует эффективное средство правовой защиты, но только в связи с нарушением прав и свобод, содержащихся в Конвенции, тогда как ст. 6 п. 1 и ст. 5 п. 4 связаны с вопросом существования и объемом гражданских прав или правомерности ареста либо заключения под стражу. Сферы применения этих статей не покрываются. Концепция „гражданских прав и обязанностей” (ст. 6 п. 1) не является тем же самым, что концепция „прав и свобод, признанных в Конвенции” (ст. 13), даже если в некотором объеме они будут совпадать. Что же касается „права на личную свободу” (ст. 5), его гражданский характер не является очевидным. Кроме того, требования ст. 5 п. 4 в

некоторых отношениях представляются более жесткими, чем ст. 6 п. 1, особенно при оценке элемента „срока”.

Согласно ст. 31 п. 2 Венской конвенции о праве международных договоров, преамбула представляет собой неотъемлемую часть документа. Кроме того, она весьма полезна для определения „предмета” и „цели” любой конвенции. Ввиду обстоятельств дела Гоулдера, важнейшим фрагментом преамбулы Европейской конвенции о защите прав человека является констатация, в которой правительства, подписавшие Конвенцию, заявляют, что они преисполнены решимости: „движимые единым стремлением и имеющие общее наследие политических традиций, идеалов, свободы и верховенства права, сделать первые шаги на пути обеспечения коллективного осуществления некоторых из прав, изложенных во Всеобщей декларации”.

По мнению властей Великобритании, эта цитата иллюстрирует „селективный подход” авторов проекта. Конвенция не старается защищать права человека вообще, но только „некоторые из прав, изложенных во Всеобщей декларации”.

Комиссия, со своей стороны, сильно подчеркнула выражение „верховенство права”, которое, по ее мнению, поможет объяснить содержание ст. 6 п. 1.

Невозможно оспаривать селективную природу Конвенции. Можно также принять, как утверждали власти Великобритании, что преамбула не говорит о „верховенстве права” как о предмете и цели Конвенции, указывая на него только как на часть общего наследия государств – членов Совета Европы. Суд по правам человека считает, однако, что было бы ошибочным видеть в этом только более или менее риторическую ссылку, лишенную значения при толковании Конвенции. Одной из причин, по которым государства, подписавшие Конвенцию, решились „сделать шаги на пути обеспечения коллективного осуществления некоторых из прав (...)”, была их глубокая вера в верховенство права. Естественным, равно как и соответствующим принципу добросовестности, представляется принять его во внимание при толковании положений ст. 6 п. 1. В гражданских делах с трудом можно себе представить верховенство закона без возможности доступа к суду.

Комиссия и Суд обязаны применять общие принципы права, а в особенности „общие принципы права, признанные цивилизованными народами”. Принцип, повелевающий создать возможности для подачи гражданских притязаний на рассмотрение судье, является одним из общепризнанных основных принципов права, подобно принципу международного права, запрещающему отказывать в осуществлении правосудия. Ст. 6 п. 1 Конвенции следует понимать с учетом этих принципов. Если эту статью понимать таким образом, что она касалась бы только дел, уже возбужденных перед судом, государства могли бы, не опасаясь обвинения в нарушении Конвенции, например, лишить суды юрисдикции в сфере определенных категорий гражданских дел и передать их на рассмотрение органам, зависимым от исполнительной власти. Принятие такой предпосылки чревато неизбежной опасностью произвольности, с серьезными последствиями, противоречащими выше упомянутым принципам.

Было бы непонятным, по мнению Суда, если бы статья 6 п. 1 подробно определяла процедурные гарантии, служащие сторонам в вестущемся судопроизводстве, а не обеспечила в первую очередь того, что делает возможным пользование этими гарантиями, то есть доступа к суду. Справедливость, публичный характер и исправность судопроизводства не имели бы никакого значения, если бы вообще не мог состояться процесс.

Право на доступ к суду является неотъемлемой частью права, содержащегося в ст. 6 п. 1 Конвенции. Это не расширительное толкование,

означающее наложение на государство новых обязательств. Оно следует из содержания первого предложения ст. 6 п. 1, понимаемой с учетом ее контекста, а также предмета и цели Конвенции.

Суд пришел к выводу, что даже не прибегая к „дополнительным средствам толкования”, предусмотренным в ст. 32 Венской конвенции, **ст. 6 п. 1 обеспечивает каждому право на рассмотрение в суд любого спора, относящегося к его гражданским правам и обязанностям. Она признает «право на суд», где право доступа, понимаемое как возможность инициировать судебное производство по гражданским делам, составляет лишь один из аспектов. К этому следует добавить гарантии, содержащиеся в ст. 6 п. 1, в вопросах организации и состава суда и способа ведения производства. В совокупности это образует право на справедливое судебное разбирательство.**

В ситуации, когда препятствие в возбуждении судебного разбирательства имело отрицательное влияние на осуществление права, гарантируемого в ст. 6 п. 1, остается оценить, было ли все-таки такое вмешательство оправданным, так как в этой сфере существует возможность некоторых правомерных ограничений.

Суд по правам человека признал, что право на доступ к суду не является абсолютным. В ситуации, когда оно является правом, которое Конвенция гарантирует без более точного определения, появляется возможность подразумеваемых ограничений.

Суд отметил, что в его функции не входит ни разработка общей теории ограничений, допустимых в отношении находящихся в тюрьме осужденных, ни решения *in abstracto* о совместимости норм национального законодательства с требованиями Конвенции. Суд ограничился тем, что отмечает следующее:

Обращаясь к министру внутренних дел, с просьбой о разрешении на консультацию с адвокатом в целях последующего предъявления иска о диффамации, Гоулдер старался очиститься от обвинений, выдвинутых функционером тюремной службы и имевших для него неблагоприятные последствия. Кроме того, дело касалось здесь инцидента, который был связан с тюремной жизнью, и наступил тогда, когда заявитель находился в тюрьме. В конце концов, возможное гражданское производство должно было быть направлено против функционера, подчиненного министру внутренних дел, в результате действий в ходе исполнения служебных обязанностей. При таких обстоятельствах Гоулдер имел обоснованную потребность установить связь с адвокатом, для того, чтобы рассмотреть возможность предъявления иска. Министр не должен был оценивать справедливость и перспективу возможного иска. Это компетенция независимого и беспристрастного суда. Отказывая в разрешении на консультацию с адвокатом, министр нарушил право Гоулдера на доступ к суду, гарантируемое в ст. 6 п. 1 Конвенции. Таким образом, была нарушена данная статья.

2. О предполагаемом нарушении статьи 8.

Г-н Голдер настаивал, что ему было отказано в переписке, которая является неотъемлемой частью контактов с адвокатом, тем самым имело место нарушение статьи 8 Конвенции.

Голдер был лишен возможности вступить в контакт с адвокатом каким бы то не было способом, включая и тот, который бы он использовал для начала в обычной обстановке, а именно переписку. Хотя, конечно, не было акта цензуры или запрета на отправку сообщений, что входит в понятие корреспонденции в смысле статьи 8 п.1, тем не менее из этого неправильно делать вывод, что данная статья не подлежит применению. **Воспрепятствовать вступлению в переписку – это наиболее радикальная форма «вмешательства» в осуществлении «права на**

корреспонденцию», было бы немыслимым, чтобы подобное вмешательство оказалось вне сферы действия статьи 8, тогда как просто контроль за перепиской несомненно подпадает под ее действия.

Нет сомнения в том, что это вмешательство было предусмотрено законом, Суд согласен, что «необходимость» вмешательства в осуществлении права на корреспонденцию находящихся в тюрьме осужденных следует оценивать с учетом обычных и разумных требований тюремного заключения. «Предотвращение беспорядков или преступлений», например, может служить оправданием более широких мер вмешательства в отношении лица, находящегося в тюрьме, чем лица, находящегося на свободе. В этих пределах, но только в них, правомерное лишение свободы в смысле статьи 5 не вступает в противоречие с применением статьи 8.

Для того чтобы показать "необходимость" вмешательства, на которое жаловался Голдер, Правительство выдвинуло тезис о предотвращении беспорядков или преступлений и сослалось на интересы общественного спокойствия и защиты прав и свобод других лиц. Даже с учетом оставленных государствам-участникам полномочий по оценке конкретных ситуаций Суд не видит, каким образом указанные соображения, так, как они понимаются в "демократическом обществе", могут заставить министра внутренних дел не разрешить Голдеру вступить в переписку с адвокатом. Суд вновь подчеркивает, что Голдер стремился снять с себя обвинение, выдвинутое против него офицером тюремной администрации, действовавшим при исполнении своих служебных обязанностей, обвинение, которое было связано с происшедшими в тюрьме беспорядками. В таких обстоятельствах Голдер имел все основания обратиться к адвокату. Министру внутренних дел не подобало - так же, как и Суду сегодня, - самому оценивать перспективы предполагаемого судебного дела; совет заявителю об имеющихся у него правах мог дать только адвокат, а затем уже суд вынес бы соответствующее решение.

Решение министра внутренних дел не представляется «необходимым в демократическом обществе», поскольку переписка заявителя с адвокатом явилась бы предварительным шагом к возбуждению гражданского дела, т.е. к осуществлению права, закрепленного в другой статье Конвенции, а именно статье 6.

Таким образом, Суд приходит к выводу, что имело место нарушение статьи 8.